

Власть и научные общества в Сибири (конец XIX – начало XX в.)

В статье рассматривается правительственная политика по отношению к научным обществам в Сибири (конец XIX – начало XX в.). Констатируется двойственный характер политики власти, направленной на ограничение и взаимодействие. Тенденция к поддержке и сотрудничеству с научными обществами преобладала: невмешательство во внутренние научные дела, забота о финансировании, допущение к научной работе политических ссыльных. Запреты и ограничения проявлялись сильнее в период после поражения первой российской революции и Первой мировой войны.

Ключевые слова: *научные общества, власть, устав общества, Сибирь.*

Тема взаимодействия официальных властей и научных обществ в Сибири привлекала внимание исследователей [1, 2, 5]. В статье на основе широкого круга архивных документов рассматривается правительственная политика в сфере деятельности научных обществ в Сибири и, в частности, правовой статус обществ, механизм взаимодействия центральных и местных властей с научными организациями Сибири. Правительственная политика в отношении научных обществ определялась совокупностью объективных и субъективных факторов.

К факторам объективного порядка относились социально-экономическое положение в стране, политическая ситуация в конкретный исторический период, эволюция царского законодательства. На деятельности научных обществ, как и других общественных организаций, отразились такие исторические события, как буржуазные реформы 60–70-х гг., стимулировавшие возникновение обществ, политическая реакция 80-х гг., общественный подъем 90-х гг., период первой российской революции, Первая мировая война. На каждом из этих исторических этапов развития России в правительственной политике применительно к сибирским научным обществам имели место общие черты, характерные для нее в целом. Так, Устав 1884 г., ограничивший автономию университетов, в определенной мере сказался на деятельности Томского юридического общества и Томского общества естествоиспытателей и врачей. Секретная переписка между попечителем округа и министром народного просвещения свидетельствует о том, что эти ученые общества стремились превратить в замкнутую касту профессоров [3]. Е.В. Соболева, оценивая политику царизма в пореформенный период, пишет, что он «проявлял показную заботу о научных обществах, что находило выражение в объявлении отдельным из них монарших благодарностей... Иногда из казны отпускались в порядке исключения дополнительные субсидии, размер которых, однако, не мог покрыть даже самые необходимые текущие расходы. Но, «поощряя» деятельность научных обществ, правительство пристально следило, чтобы она не выходила за пределы допустимых, с его точки зрения, вопросов, всячески опасаясь "практических рекомендаций"» [4, с. 157]. По мнению А.Д. Степанского, «царское правительство более охотно разрешало общества», официально состоявшие при вузах, т.к. эти общества попадали под бдительный контроль ректоров и попечителей. В то же время формальная принадлежность к вузам во многом благоприятствовала деятельности обществ» [5, с. 211].

Правительственная политика в отношении научных обществ слагалась как бы из двух основных компонентов. С одной стороны, научные общества

рассматривались как элемент сети научных учреждений страны, нуждавшихся в поддержке и развитии. С другой стороны, в них видели общественные организации, которые могли служить источником оппозиционных настроений. Правительственная политика в Сибири имела свою специфику, что объяснялось особым положением Сибири как колонизируемой окраины. Процесс хозяйственного освоения края (строительство Сибирской железной дороги, переселения) обусловил поворот во внутренней политике царизма в сторону более тесного сотрудничества с научными учреждениями и организациями Сибири. Правительственные комитеты и комиссии поддерживали с научными обществами самые тесные связи в решении конкретных хозяйственных проблем. Однако поскольку по природе своей научное общество являлось общественной организацией, оно находилось под неусыпным наблюдением Министерства внутренних дел. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин 20 июня 1901 г. издал секретный циркуляр № 6235 губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам о наблюдении за деятельностью частных обществ [6, с. 41]. 12 апреля 1905 г. последовал новый циркуляр министра внутренних дел, согласно которому все пожелания различных сословий и общественных групп, представляемые высшему начальству, подлежали известному порядку в обсуждениях в пределах, предоставленных законом [7].

До 4 марта 1906 г. в российском законодательстве отсутствовал общий закон об общественных организациях, а отдельные законодательные нормы были разбросаны по разным частям свода законов [6, с. 4]. Существующие статьи Устава о предупреждении и пресечении преступлений, Закон от 24 марта 1867 г. «О противозаконных сообществах», Закон от 4 июня 1874 г. «О наказании за составление противозаконных сообществ и участие в оных» достаточно полно разъясняли, какие «собрания или союзы» устраивать запрещено [8]. Хотя статьей 117 Устава о предупреждении и пресечении преступлений допускалось лишь «законом утвержденное общество», оставалось неясным, как получить разрешение на открытие общества. Несмотря на то что в Полном собрании законов имелись уставы некоторых высочайше утвержденных обществ (например, Русского географического общества, Русского технического общества), установившаяся в начале XX в. практика основывалась на традиции, когда уставы обществ поступали из министерств на утверждение к императору не через законосовещательный Государственный совет, а через высший административный орган — Комитет министров [6, с. 7].

В пореформенный период право разрешения некоторых категорий обществ перешло к соответствующим министерствам. Университетский устав 1863 г. дал министру народного просвещения право разрешать ученые общества при университетах [9]. Без санкции полицейского ведомства не могла открыться ни одна легальная организация [6, с. 8]. С 1896 г. разрешение на открытие Сельскохозяйственного общества (СХО) могла давать местная администрация в лице губернатора или градоначальника, если устав проектируемого общества соответствовал так называемому примерному или нормальному уставу. Таким образом, можно согласиться с выводом А.Д. Степанского, который пишет, что содержание царского законодательства сводилось к установлению круга государственных органов, имевших право разрешить открытие тех или иных организаций и утвердить их уставы. Закон не содержал никаких правовых норм,

которыми должны были руководствоваться как сами организации, так и ведавшие ими органы [6, с. 9].

После подавления Декабрьского вооруженного восстания начался медленный спад и отступление революции. Царское правительство использовало это для того, чтобы стеснить обещанные Манифестом 17 октября 1905 г. свободы. В конце 1905 – начале 1906 гг. был издан ряд «временных правил» («О повременных изданиях», «Для неперIODической печати», «О собраниях»), которые якобы временно ограничивали соответствующие свободы [10, с. 253]. В их числе был издан Закон от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах». Этот закон значительно упрощал процедуру разрешения обществ [11]. В заявлении, подаваемом на имя губернатора или градоначальника, должны были быть указаны цель общества, фамилия, место жительства, звание его учредителей, район действий, порядок избрания председателя, а в случае учреждения правления – способы его образования и пополнения, место нахождения правления и председателя, порядок вступления и выбытия членов (ст. 17–18). Эти же пункты должны были входить и в устав создаваемого общества. К ним добавлялись время и порядок созыва общего собрания, порядок ведения отчетности и изменения устава (ст. II). Заявления в проект устава подлежали регистрации. Общество становилось действительным с момента внесения его в реестр делопроизводства губернского или областного по делам об обществах присутствий (ст. 23). Публичные собрания, устраиваемые обществами, подчинялись действующим постановлениям о порядке их проведения (ст. 30). Председатель (распорядитель) или правление общества немедленно по их избранию обязаны были подать письменное заявление об этом губернатору (градоначальнику) о каждом изменении в составе распорядителя или правления, об открытии или закрытии отделений общества и о закрытии самого общества. В случае обнаружившихся в деятельности общества отступлений от закона или отклонений от обязательств предусматривалось «губернатору или градоначальнику предлагать самому обществу в назначенный губернатором срок принять меры к устранению допущенных обществом неправильностей» вплоть до внесения в губернное или городское по делам об обществах присутствия дела о закрытии общества (ст. 34). В случае, если деятельность общества угрожала общественной безопасности и спокойствию или принимала «явно безнравственное направление», губернатор (градоначальник) был вправе приостановить деятельность общества своей властью (ст. 36) [11, с. 204]. На основании статей этого закона в России возникали общества до Первой мировой войны. Так, в частности, образовалось общество изучения Сибири и улучшения ее быта, Томское общество изучения Сибири, Общество сибирских инженеров.

Как оценивать этот закон? Уже дореволюционные исследователи подвергли его серьезной критике. Правовед Н.П. Ануфриев писал, что «коренной методологический прием русского законодательства XIX века – в новом обобщать старое, органически связывать прошедшее с будущим – не теряет своей силы и в XX веке. Временные правила 4 марта 1906 г. не имеют основой Манифест 17 октября 1905 г., а представляют собою переработку правил циркуляра 26 апреля 1905 г. с механическими вставками, заимствованиями по форме из западноевропейских конституционных актов, которые стоят совершенно изолированно от всей массы регламентации и не находят ни поддержки, ни развития в рядом стоящих статьях русского происхождения» [12, с. 33]. Вместе с тем на

основе указанного закона возникли многие общества, в том числе и научные, формально не связанные с вузом (общества при вузах по-прежнему учреждались только с разрешения соответствующих министерств), что дает основание объективно говорить о положительной роли закона.

Уставы общественных организаций в самой незначительной степени являлись продуктом творчества их учредителей. Содержание и форма уставов прямо навязывались администрацией. По мере роста сети общественных организаций и демократизации их состава требования, предъявляемые к уставам, становились все более жесткими [6, с. 9–10]. Особое распространение получили нормальные (примерные) уставы. Наиболее полным вариантом уставных норм, выработанных к началу XX в., явились нормальные уставы: например, Устав (нормальный) общества врачей губернии или города, утвержденный МВД в 1869 г. Так, Министерство земледелия и государственных имуществ разработало нормальный устав для сельскохозяйственных обществ. В нем оговаривались цель общества и способы ее осуществления, его права и обязанности; состав общества, порядок избрания членов, их права и обязанности; собрания общества, средства и порядок закрытия [13]. Нормальный устав до мельчайших деталей расписывал деятельность общества, и всякое уклонение от его положений рассматривалось как нарушение закона. Согласно нормальному уставу деятельность общества могла быть приостановлена соответствующим министром по представлению губернатора. В отличие от нормальных уставов, уставы Русского географического общества (РГО), Русского технического общества (РТО), Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) имели форму закона, одобренного императором. Структура всех уставов была однотипной (цели и задачи обществ; способы осуществления деятельности; права и обязанности; состав членов; управление обществом).

Уставы сибирских научных обществ принципиально не отличались от подобного рода документов Европейской России. Но имелись свои особенности. Отделы и подотделы РГО руководствовались специальными положениями, которые в целом соответствовали его уставу. Аналогичным образом дело обстояло и с сибирскими отделами МОСХ, хотя уже последующие сельскохозяйственные общества используют нормальный устав. Поскольку сибирская администрация имела непосредственное отношение к организации ученых обществ (генерал-губернаторы являлись покровителями, губернаторы были почетными председателями многих обществ) уставы достаточно легко утверждались министерствами. Уставы, как обычные, так и нормальные, при всей их жесткой внутренней регламентации имели и положительную сторону: они предельно четко указывали цель и задачи общества, средства их достижения; на практике предостерегали общества от произвольных и случайных дел.

Рассмотрим некоторые примеры из процедуры открытия научных обществ в Сибири. В 1876 г. председатель РГО получал на свое имя ходатайство генерал-губернатора Н.Г. Казнакова об учреждении в Омске отдела общества. Совет РГО, согласившись с доводами Н.Г. Казнакова, постановил представить на утверждение министру внутренних дел проект положения о Западно-Сибирском отделе РГО (ЗСОРГО), составленный по образцу положений других отделов общества. Высочайшим утверждением мнения Государственного совета 10 мая 1877 г. было разрешено Императорскому русскому географическому обществу открыть в своем составе особый отдел, выделив из Государственного казначей-

ства ежегодную субсидию в 2 000 р. И уже получив уведомление об этом министра внутренних дел, Н.Г. Казнаков объявил отдел открытым [14, с. 490]. Как видно, в случае образования ЗСОРГО была использована формула «законом утвержденное общество», которая практически редко применялась впоследствии. А вот общество естествоиспытателей и врачей и юридическое, состоящие при Томском университете, возникли на основании § 145 Устава императорских российских университетов, утвержденных министром народного просвещения [15, с. 3].

24 марта 1890 г. члены Императорского Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) П.И. Макушин, профессор С.И. Коржинский и В.Г. Зимин в соответствии с § 98 Устава МОСХ составили ходатайство о желательности учреждения в Томске отдела МОСХ и довели его до сведения Томского губернатора. 14 мая 1891 г. Томский губернатор получил уведомление от Департамента земледелия и сельскохозяйственной промышленности о том, что министр государственных имуществ по согласию с министром внутренних дел и после рассмотрения в Совете министров проекта программы отдела дал разрешение на учреждение отдела [16, с. 3]. Аналогичным образом открывались и другие сибирские отделы МОСХ. Только теперь ходатайство шло непосредственно через МОСХ в Министерство земледелия и государственных имуществ, минуя губернатора [17, с. 3].

Практика открытия сибирских научных обществ отражала все юридические нормы и традиции, предусмотренные царским законодательством. Любое изменение в статьях или параграфах действующего устава требовало немедленного согласования и одобрения ученого комитета соответствующего министерства. Так, в 1902 г., спустя год после своего открытия, Томское юридическое общество обратилось с ходатайством в Совет университета с просьбой возбудить ходатайство перед министром народного просвещения об исключении и изменении некоторых статей устава [18]. Выписка из журнала заседания совета университета была направлена управляющему Западно-Сибирским учебным округом Л. Лаврентьеву, который вместе с сопроводительным письмом переправил ее в Министерство народного просвещения. Ходатайство Томского юридического общества было рассмотрено на специальном заседании Ученого комитета Министерства народного просвещения и отклонено [18]. Общество, состоящее при университете, оказывалось в довольно сложной системе подчинения: совет университета, попечитель учебного округа, ученый комитет министерства, министр. Как правило, министр прислушивался к мнению совета университета и попечителя. Научные общества распределялись по министерствам. В ведении Министерства народного просвещения находились все отделы и подотделы Географического общества, общество любителей исследования Алтая, общества при Томском университете и Томском технологическом институте, при Министерстве земледелия и государственных имуществ — все сельскохозяйственные общества. Общество изучения Сибири и улучшения ее быта состояло при музее антропологии и этнографии Академии наук.

РГО, РТО и МОСХ, имевшие свои филиалы в Сибири, носили титул императорских. Статус организаций, имевших такой титул, не был официально регламентирован, но на практике он означал возможность обращения к императору, солидные субсидии, различные привилегии (присвоение должностным лицам прав государственной службы, награждения орденами членов общества,

право бесплатной пересылки почты и др.), почтительное отношение администрации [6, с. 20]. Эти преимущества перед обычными обществами объясняли стремление многих провинциальных организаций превратиться в отдел или подотдел императорского центрального общества. Так, общество любителей исследования Алтая в 1902 г. было преобразовано в Алтайский подотдел ЗСОРГО. Долго, но безуспешно добивались преобразования в отделы РГО Томское общество изучения Сибири и Читинское отделение приамурского отдела РГО. В относительно благоприятном положении находились общества при вузах. Статья 145 Общего устава российских университетов, утвержденного 23 августа 1884 г., гласила: «Университетам предоставляется с разрешения министра народного просвещения учреждать ученые общества. Уставы этих обществ утверждаются министром народного просвещения» [19, с. 472].

Г.И. Щетинина, анализируя общественно-политическую деятельность университетов и царского правительства по отношению к высшим учебным заведениям 70–90-х гг. XIX в., справедливо оценивает университетский Устав 1884 г. как наиболее типичное выражение реакции в области просвещения в 80-е гг. XIX в. [20, с. 226]. Жизненно важные для университетской корпорации дела, как-то: учреждение ученых обществ, избрание почетных членов университета, соединение и разделение кафедр, назначения деканов и т.д. попадали под контроль попечителя округа и министра народного просвещения.

Таким образом, царское законодательство, несмотря на запретительно-охранительный характер, способствовало образованию научных обществ, а по закону от 4 марта 1906 г. существенно упрощало процедуру открытия.

Важную роль в осуществлении правительственной политики играла высшая администрация Сибири (генерал-губернаторы, губернаторы). Особенностью большинства научных обществ Сибири являлось то, что их курировали представители этой администрации. Так, покровителями ЗСОРГО, Восточно-Сибирского отдела РГО (ВСОРГО) и приамурского отдела РГО были степной, иркутский и приамурский генерал-губернаторы соответственно. Почетным председателем общества любителей исследования Алтая состоял начальник Алтайского округа А.Ф. Кублицкий-Пиоттух, а его почетными членами – В.А. Тобизен, А.А. Ломачевский, С.А. Вяземский, занимавшие в разное время пост начальника Томской губернии. Тобольские, томские, енисейские губернаторы неизменно входили в число почетных председателей сельскохозяйственных обществ. Наибольшее значение имела роль покровителя географического отдела. Покровители утверждали проекты положений отделов, итоги выборов в руководящие органы (председателя, членов распорядительного комитета), утверждали выдачу субсидий, давали свою санкцию на проведение заседаний, собраний, устройство лекции, проведение экспедиций, следили за тем, чтобы деятельность общества не выходила за рамки, начертанные уставом. В то же время программа научных исследований составлялась обществами самостоятельно. В соответствии с принятыми узаконениями об отделах покровители должны были осуществлять «ближайшее руководство» [21]. На практике это руководство имело свои положительные и отрицательные стороны. Полезная активность степного генерал-губернатора проявлялась тогда, когда речь шла об участии ЗСОРГО на нижегородской выставке 1896 г. и парижской выставке 1900 г. Покровитель отдела принимал активное участие в организации экспонирования музейных коллекций отдела на нижегородскую выставку, а также на международную

выставку истории современного костюма [22]. В июле 1898 г. степной генерал-губернатор просил отдел ускорить присылку сведений о принятии участия в собирании коллекций для русского отдела на парижской выставке [23]. После успешно проведенной 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки в Омске в 1911 г. покровитель отдела в докладной записке министру земледелия А.В. Кривошеину писал о необходимости создания в Омске специального музея с экспонатами, иллюстрирующими переселенческое движение. В связи с этим он предлагал построить отдельный зал в здании музея отдела, назвав его «переселенческий». Отделу было предложено составить смету в чертеж постройки, руководствуясь которыми генерал-губернатор запрашивал 13 140 р. [24]. И хотя ходатайство удовлетворено не было, такая поддержка отдела со стороны покровителя способствовала упрочению авторитета этой научной организации.

Однако нередко происходили действия, в которых отчетливо просматривались полицейские черты. Так, участие ЗСОРГО в нижегородской выставке потребовало настолько много энергии, что все другие нужды отдела отошли на задний план, а само общество оказалось как бы в стороне, не получая своевременно ни отчета, ни протоколы своих заседаний. В начале 1896 г. произошли резкие столкновения общего собрания с руководителем отдела, в результате которых правитель дел и четыре члена распорядительного комитета отказались от выполнения обязанностей, а председатель Г.Е. Катанаев обратился к генерал-губернатору Таубе за поддержкой. Последний временно распустил весь распорядительный комитет, а дела поручил единоличному ведению председателя и предложил пройти своего рода «перерегистрацию» членов отдела [25]. Таубе, в частности, затребовал полный список членов, утверждая, что ввиду «слабого соблюдения § 16–17 Устава РГО в состав отдела попали лица, ничего общего с наукой земледелия не имеющие». С целью устранения их влияния на будущее он предложил: 1) Объявить лицам, именуемым «действительными» членами Географического общества, на самом же деле не участвующим в нем ни своими научными трудами, ни даже вступительными членскими взносами, что с сего числа те из них, которые вступили в отдел до 1 декабря 1894 г., согласно § 27 и 37, уже более не члены ЗСОРГО. Не должны считаться членами и те из лиц, которые, вступив в общество после 1 декабря 1894 г., не сделают вступительных членских взносов к 1 ноября, а проживающие вне Омска – 1 декабря сего года. 2) Предупредить тех действительных членов, которые, не участвуя в отделе своими научными трудами, сделали членские взносы только за 1893 г. или за 1893 и 1894 гг., за последнее время членских взносов еще не сделали, непременно должны сделать членские взносы за 1894 г. 3) Просить действительных членов (хотя и не сделавших членских взносов, но доставлявших научные статьи и сообщения) – уведомить администрацию, желают ли они и впредь быть полезны отделу своими трудами с переименованием в члены-сотрудники или же намерены сделать членские взносы. В заключение барон Таубе постановлял: 1) все действительные члены отдела должны принять участие в выборах, а не одни омики; 2) сделать членов Распорядительного комитета действительно избранными большинством членов здешнего географического общества, а не омских только членов, приходящих на заседания иногда в незначительном числе; дать возможность распорядительному комитету действовать на пользу общества и науки более самостоятельно и уверенно [25, с. 26–27].

После этого многие члены вышли из общества и только 27 чел. ответили на опросные пункты. Отдел как сводная ассоциация не существовал восемь месяцев и только в начале 1897 г. произошли новые выборы в восстановленный распорядительный комитет и был избран новый председатель [25, с. 27]. Действия покровителя, хотя внешне и под благовидным предлогом (избавление от случайных людей, необходимость уплаты взносов), продемонстрировали практически ничем не ограниченную власть генерал-губернатора над ученой организацией. Еще один эпизод красноречиво характеризовал деятельность степного генерал-губернатора Таубе в роли покровителя отдела. В 1900 г. Г.Е. Катанаев предпринял переиздание книги И.Я. Словцова с описанием поездки в Кокчетавский уезд в 1878 г. Второе издание вышло в 1897 г. с авторскими исправлениями и дополнениями, многие из которых, особенно геоботанические, оказались настолько неудачными, что новый Распорядительный комитет нашел необходимым выпустить книгу с приложением опечаток и с примечаниями М.М. Сиязова. И.Я. Словцов потребовал уничтожения этих примечаний и, после отказа Распорядительного комитета, обратился за помощью к генерал-губернатору. Последний, несмотря на вмешательство в это дело председателя РГО и даже министра внутренних дел, приказал доставить в свою канцелярию оставшиеся на складе 170 экз. злополучной книги и через некоторое время вернул их в отдел в «исправленном виде», с вырезанными страницами, замазкой, краской. Председатель отдела в знак протеста сложил свои обязанности, от отдела в эти годы отошли многие его видные члены [26].

Важной стороной отношений между покровителем и отделом была финансовая. Покровители строго следили за расходом обществом средств, рассматривали ходатайства о дополнительных субсидиях. В марте 1893 г. иркутский генерал-губернатор Горемыкин сообщил во ВСОРГО в ответ на просьбу последнего, что никаких постоянных ассигнований назначить не может, ибо сам лишен некоторых ресурсов, а просимая отделом сумма выходила за рамки постоянной субсидии. Покровитель считал нужным указать отделу, что «предприимчивость его в работах и начинаниях должна строго соотносываться с имеющимися в его распоряжении средствами» [27]. Перед тем как перевести на счет отдела положенную субсидию покровитель требовал от отдела предоставить отчет расходования ранее отпущенных денег [28]. Для поездки в ту или иную местность Восточной Сибири у иркутского генерал-губернатора необходимо было выхлопотать открытое предписание. Например, в открытом предписании Н.И. Витковского от 5 мая 1892 г. говорилось, что он «для ученых исследований командирован Восточно-Сибирским отделом РГО в Иркутский и Балаганский округа Иркутской губернии». Окружному, городскому, сельскому начальству, а также инородческим управам, статистическим думам и улусам предписывалось способствовать беспрепятственному следованию, давать лошадей, провозчиков, рабочих людей и все необходимое за условленную плату, хранить оставленное имущество, книги, бумаги и вообще содействовать всеми зависящими от них мерами успешному выполнению возложенных поручений. Почтовые конторы и их отделения обязывались принимать и отправлять по почте все посылки и корреспонденции за казенный счет [29].

Двойственный статус научного общества (с одной стороны, научное учреждение, с другой – общественная организация) обусловил две тенденции правительственной политики по отношению к ним: запретительно-охранительной и

поддержки. Тенденция к поддержке и сотрудничеству с научными обществами (как одно из направлений государственной политики в области науки) преобладала (невмешательство во внутренние научные дела, забота о финансировании, допущение к научной работе политических ссыльных). Охранительно-запретительная проявлялась сильнее в период после поражения первой российской революции и окончания Первой мировой войны (запреты, роспуски обществ, аресты, высылки). Необходимо отметить и известный демократизм некоторых представителей высшей администрации Сибири в отношении научных занятий политических ссыльных и свой личный вклад в дело изучения Сибири (Е.О. Мациевский, А.И. Кияшко, И.И. Крафт).

Библиографический список

1. *Дергачев А.Ю.* Научные общества в Сибири в период капитализма (общие черты и особенности) // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1990. С. 57–69.
2. *Дергачев А.Ю.* Научные общества и вопрос о координации научных исследований в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Социально-культурное развитие Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. С. 45–55.
3. РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1074.
4. *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. Л.: ЛО АН СССР, 1983. 262 с.
5. *Степанский А.Д.* Научные общества при высших учебных заведениях дореволюционной России // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М.: МГИАИ, 1979. 240 с.
6. *Степанский А.Д.* Самодержавие и общественные организации на рубеже XIX–XX вв. М.: МГИАИ, 1980. 96 с.
7. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. СПб., 1906. Т. VIII. Вып. 1.
8. Полный свод законов Российской империи. Т. 42. № 44402.
9. Полный свод законов Российской империи. Т. 38. № 39752.
10. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1983. 352 с.
11. Полный свод законов Российской империи. Т. 26. № 27479.
12. *Ануфриев Н.П.* Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. М., 1916. Кн. I. С. 33.
13. Нормальный Устав для местных сельскохозяйственных обществ // Фридман М. Общества сельских хозяев в деревне. М.: б.и., 1903. С. 88–107.
14. *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. СПб.: б.и., 1896. Ч. 2. 490 с.
15. Известия Томского университета. 1889. Кн. 1. (отд. I).
16. Труды Томского отдела МОСХ. Томск, 1896. Кн. 1. (паг. 2-я).
17. Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства. Обзор деятельности Курганского отдела за 14 лет существования (1897–1910). Курган: Общедоступная скоропечатная, 1911. 31 с.
18. Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 284. Л. 1.
19. III ПСЗ. Том 4. № 2404. С. 472.
20. *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 г. М.: Наука, 1976. 230 с.
21. Государственный архив Омской области. Ф. 86. Оп. 1. Д. 36. Л. 142; Д. 41. Л. 42; ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 294. Л. 51, 77; Д. 315. Л. 46, 63.
22. ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 42. Л. 23, 30.
23. ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 83. Л. 7.
24. ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 144. Л. 84.
25. *Семенов В.Ф.* Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск: ЗСО ГРГО, 1927. 144 с.
26. ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 30. Л. 31–32.
27. Государственный архив Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 101. Л. 21.

28. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 94. Л. 31.

29. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 95. Л. 60.

Dergachev A. U. The Authorities and Scientific Societies in Siberia (late XIX – early XX c.). The article is devoted to governmental policy in the relation to scientific societies in Siberia (late XIX – early XX c.). The double faced power of policy to the restriction and interaction is also stated. In this policy prevailed the tendency to support and cooperate with scientific societies: non-interference in the internal affairs of research, care of the financing, the admittance of political exiles to scientific work. Bans and restrictions were stronger in the period after the defeat of the first Russian revolution and World War I.

Key words: *authority, scientific societies, charter of society, Siberia.*

Дергачев Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История и политология» СГУПС. Область научных интересов: история научных обществ в Сибири, политическая теория. E-mail: Derandrey@yandex.ru